

АЛЕКСАНДРОВСКИЙ
изъ Восточной Писемности
ВЪЗВЪЗДЪ
СВЯТЫЙ
СТИХОТВОРЕНІЯ.

СТЕНОГРАФИЯ

ДВѢ ГЛАВЫ

изъ Восточной Повеѣсти

ЗАЛМАРА.

ПОСВЯЩЕНО

А. В. СТРЕМОУХОВУ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Подъ небомъ Азіи прекрасной,
Въ поляхъ, взлелѣянныхъ весной,
Гдѣ воздухъ полонъ нѣги спраспной
И миршъ, пипомецъ полевой,
Цвѣтешъ игривой красотой,
А на скаль съдой и дикой,
Обвишый гордой навиликой,
Печально дремлешъ кипарисъ ;

Въспраиѣ, гдѣ бурно пронеслись
 Опустошительныя брани;
 Тамъ, гдѣ Конрадъ и Лузиньянъ,
 Съ мечемъ кресты приѣмля въ длани,
 За гробъ Христа, за Христіанъ,
 Сражали сонмы Музульманъ —
 На высокахъ Пполоманды,
 Гдѣ съ величавымъ моремъ слипъ
 Вѣками созданный гранипъ,
 Какъ древній, пышный храмъ Киприды,
 На двухъ оплогиспыхъ холмахъ,
 Стоялъ дворецъ Али-Махмеша.
 Туда, прославленный въ бояхъ
 И ушомленный шумомъ свѣша,
 Богатый Ага, въ сумракъ дней,
 Приѣхалъ съ дочерью своей.

Спремясь къ забавамъ сладоспраспья,
 Съдой Махмешъ въ дворцѣ своемъ
 Разсыпалъ всѣ приманки счаспья.
 Паросскій мраморъ съ серебромъ,
 Въ столбахъ высокихъ разсыпаясь,
 Другъ съ другомъ споряпъ въ бѣлизнѣ;
 Тамъ по узорчатой спѣнѣ
 Разнообразно оппѣнялся,

Висятъ завѣшные ковры —
 Тейрана пышные дары.
 Изъ злата Мексики линые,
 Близъ пабурешовъ, на коврахъ
 Стояшъ сосуды дорогіе,
 Небрежно скрытые въ цвѣсахъ.
 А подлѣ спѣнь, какъ испуканы,
 Бѣлыя, пьянуся диваны;
 Бухарской пиканію покрывъ,
 На нихъ лебяжій пухъ лежишъ.
 Вдали, подъ сводами тѣмными,
 Взоръ понешъ въ длинномъ рядѣ залъ,
 Гдѣ, между дулами спальными,
 Мелькають шашка и кинжалъ.
 Рѣзбой украшенные спальни,
 Гарема темный переходъ
 И въ шумѣ ароматныхъ водъ
 Воспока дивныя купальни.
 Бассейновъ свѣшная рѣка,
 Согласный бѣгъ свой совершая,
 Опъ арабесковъ пополка
 Душистой влагой низпадалъ,
 Гремилъ и плещетъ здѣсь и шамъ,
 Скользя по мраморнымъ угламъ.
 Вокругъ черпоговъ извивались
 Великолѣнные сады —

Аллей угрюмые ряды
 До скапа моря простирались,
 Переплещясь, по сторонамъ,
 Вели шопинки къ цвѣшникамъ.
 По рощамъ царствуетъ молчанье,
 Лишь иногда, въ вечерній часъ,
 Тревожишь въ нихъ очарованье
 Заметной пшички стройный гласъ.

На шуманномъ сводѣ неба
 Ушро Майское встаешь,
 Тихо, медленно лучъ Феба
 Изъ-за пучь сіянье льешь.
 Плещущъ волны голубыя
 Въ неприступныхъ берегахъ
 И костры спорожевые
 Погасающъ на холмахъ.
 Челны по морю несущся,
 Смѣль и радостень пловецъ,
 Въ высошъ касашки вьющся,
 Просыпается дворецъ.
 Вошъ смѣнились часовые,
 Чу!... раздался въ башнѣ звонъ...
 Бродяшъ внухи нѣмые
 И Гаремъ ужъ пробужденъ.

Халапъ набрссивъ разноцвѣтной,
 Сидишь власпишельный Махмешъ,
 И передъ нимъ спруей привѣшной
 Кипишь и пѣнишься шербець.
 Задумчивъ Ага — съ неперпѣнемъ
 Въ Гаремъ не поспѣшаешь онъ;
 Любимый Евнухъ съ униженьемъ
 Напрасно хвалишь прелесць женъ —
 Въ душѣ Махмеша вострепенулись
 Мечты давно забытыхъ дней.
 Онъ снова въ памяти своей
 Зришь время то, когда толпились
 Предъ нимъ всѣ призраки чесшей.
 Давноль, внимая клику славы,
 Такъ радостно на бой кровавой
 Онъ мчался съ шумей Янычаръ?
 Бывало онъ, нѣмой и страшной,
 На грудь наложницы прекрасной
 Унавъ, восшоргамъ нѣги въ даръ
 Гошовъ принесъ безъ сожалѣнья
 Весь чадъ земнаго прославленья;
 А нынѣ.... Гдѣ жъ слѣды тѣхъ лѣтъ?
 Исчезли! Онъ и дряхль и сѣдъ.
 Часы бѣгутъ — одѣлся Ага;
 На кушакъ его висаешь
 Два пистолеша и булашь.

Но вошь зажглась въ глазахъ опвага,
 Спѣшитъ въ лѣса на правлю онъ,
 Лешунъ Арабскій подведенъ.
 Вдругъ у ворошь раздался шопошь,
 Заржали кони у дворца,
 Въ толпѣ рабовъ поднялся шопошь,
 И вдоль чугуниаго крыльца,
 Сливаясь съ мѣрными шагами,
 Цѣпей тяжелыхъ слышенъ громъ....
 Вошь ближе, ближе — и попомъ
 Остановились за дверями.
 Рука пришельца знакъ дала,
 Невольникъ двери отворяетъ,
 Въ черпогъ съ поклонами вснупаешъ
 Начальникъ спражи Абдула.

А Б Д У Л А.

Я встрѣшилъ нынче караванъ,
 Вели невѣрныхъ. Межъ толпою
 Меня одинъ изъ Христіанъ
 Плѣнилъ чудесной красоюю.
 Онъ купленъ мной — ты для него
 Назначъ утѣль.

МАХМЕТЪ.

Введи его!

Просяжно цѣли зазвучали....
 На грудь поникнувъ головой,
 Какъ жертва рока и печали,
 Предсталъ невольникъ молодой.
 Махметъ безмолвенъ; изумленный,
 Онъ на невольника глядишь,
 Несчастный юноша споишь
 Предъ нимъ какъ Ангелъ воплощенный.
 Представляше послѣ грозныхъ сѣчь,
 Склоненнаго на острый мечъ,
 Въ раздумьи крошкомъ бога брани,
 Когда, спирая кровь со драни,
 Тревогой бранной упомянъ,
 На лаврахъ опдыхаетъ онъ:
 Таковъ невольникъ черноокой;
 Но на младомъ его челъ,
 Какъ слѣдъ шума на спеклѣ,
 Лежишь спраданя слѣдъ глубокой.

МАХМЕТЪ.

Невѣрный! изъ какой спраны
 Ты приведенъ въ мои владѣнья?

НЕВОЛЬНИКЪ.

Удары рока всѣмъ равны —

Моя судьба урокъ смиренья.
 Въ Германіи сеспру и машь
 Покинулъ я. Пріюмъ шуманный!
 Тебя мнѣ больше невидашъ;
 Не мнѣ свиданья часъ желанный.
 Три года прошекли съ тѣхъ поръ,
 Какъ я, пришедши въ ваши степи,
 Нашелъ спраданія, позоръ,
 И нищету, и эши цѣпи.

МАХМЕТЪ.

Гяуръ!... Ты гордъ — за эту рѣчь
 Слешимъ глава съ надменныхъ плечъ...
 Кто ты?

НЕВОЛЬНИКЪ.

Твой рабъ. Чего же болѣ?

Увы, въ поспыдной эшой долѣ
 Твой гнѣвъ меня не успрашимъ;
 Мнѣ жизнь поспыла. Если плаха
 Моей главѣ щеперь грозитъ, —
 Иду на смерть, иду безъ страха.

Махнешь молчишь. Суровый взоръ.
 Изобразилъ спрасней раздоръ;
 И въ душу деспота впервые
 Проникла жалость; такъ порой
 Лучи денницы золотые
 Проходяшь въ бездну подъ скалой.
 Онъ цѣпи снялъ повелѣваетъ,
 Пила принесена рабомъ,
 Жельзо спали уступаешь
 И съ громомъ падаешь къ ногамъ.
 Томится плѣнникъ. Дни молодые
 Убиты хладною шоской:
 Все манишь юношу мечшой
 На берега его родные.
 Когда денница въ облакахъ
 Вспорхнешь, беспечная какъ младость,
 И на лазурныхъ высяхъ
 Прольешь спокойствіе и радость:
 Тогда и въ воздухъ самомъ
 Спрадальцу чудится родное,
 И что-то грустное, святое
 Напоминаешь о быломъ.
 Ручья-ль услышишь дальній шопотъ, —
 Идешь, задумавшись, къ нему:

Свободной Эльбы стройный ропотъ
 Внезапно слышится ему,
 Промчится-ль, вихремъ уносимый,
 Надъ нимъ плънительный напѣвъ
 Гарема недоступныхъ дѣвъ:
 Воспоминаніемъ помимый,
 Къ стѣнамъ Гарема онъ спѣшитъ;
 Напѣвъ замолкъ, а онъ спопнѣ:
*При звукахъ рога и свирѣли
 Въ его отчизнѣ такъ же пѣли.*

И долго шумъ онъ слезы льетъ ;

Но слезъ горючихъ не сопретъ

Рука заботливого друга.

Ахъ! кпо въ тяжелый часъ недуга,

Къ нему съ учасшемъ подойдешь?

Здѣсь люди чужды состраданья.

Поймутъ ли здѣсь его спраданья?

Нѣтъ, холодна въ ширанахъ сихъ,

Душа какъ спаль книжаловъ ихъ.



Природа спитъ въ туманахъ ночи,

Въ палатахъ Аги тишина;

Лишь плътника печальны очи

Не знаютъ наслажденій сна.

Спрадалецъ ложе покидаешь,
 Чертогъ, площадку пробѣгаешь,
 Минуешь спражи спящій рядъ,
 И входишь въ опдаленный садъ.
 Изъ облакъ медленно всплывая,
 Глядишь луна въ кристаллы воды,
 Запихъ аллея душистый сводъ,
 На немъ горитъ роса ночная.
 Идешь невольникъ — вдругъ предъ нимъ
 Послышались опзывы пѣнья....
 Онъ поднялъ взоръ и недвижимъ
 Осполбенѣлъ онъ удивленья.
 Предъ нимъ склонясь на дернъ цвѣтцовъ,
 Какъ мимолетная опрада,
 Какъ свѣшная мечта боговъ,
 Въ красъ небрежнаго наряда
 Турчанка юная сидитъ.
 Смущенный юноша глядитъ,
 Не сводитъ зора съ дѣвы милой,
 И въ первый разъ чудесной силой
 Забилось сердце у него.
 Явленья спранныго сего
 Никакъ поспигнуть не умѣя,
 Изумлена, поражена,
 То негодуя, шо робѣя,
 Встаешь спремжительно она.

ТУРЧАНКА.

Скажи, невольникъ дерзновенный,
 Какою гибельной стезей
 Ты въ эпопѣ садъ уединенный
 Былъ заведенъ во шмѣ ночной?
 За чѣмъ ты здѣсь? Какія чары
 Предъ зоркой спражей ты разлилъ?
 Невѣрный! развѣ ты забылъ,
 Чшо нарушаешь покой Зальмары
 Есть пресуупленіе?

НЕВОЛЬНИКЪ.

Умѣрь, невольникъ, твой пылъ,
 Смягчи порывы гнѣвной рѣчи!
 Я невиновець О, повѣрь,
 Непоспижимой эпой встрѣчи
 Я и не ждалъ и не искалъ.
 Увы, безъ думъ, безъ всякой цѣли,
 Какъ осужденный я блуждалъ:
 Воспоминанья пламенѣли
 Въ моей измученной груди.
 Я шелъ — опрадно впереди
 Шептали темныя аллеи;
 Луна и звѣзды, и ручей,
 И эпи спящія лилеи:

Все ночи родины моей
Напоминало мнѣ собою.

ТУРЧА НК А.

Бѣги! Законъ Гарема спрогъ!
Спѣши! спѣши скорый въ чертогъ,
Не по проспѣшься съ головою.

НЕВОЛЬНИКЪ.

Но кшо ты? Дивная краса!...
Скажи, волшебница младая,
За чѣмъ, покинувъ небеса
И изумрудный перемъ рая,
Пришла ты въ мракъ земныхъ садовъ
Лелѣяшь мягкій пухъ цвѣшовъ?

ТУРЧА НК А.

Я дочь Махмета — я Зальмара.
Неумолимъ родинель мой!
Спрашиси, его ужасна кара!
Бѣги! —

Излучистой пропой
Поспѣшно дѣва убѣгаешъ,

Скользишь по радужнымъ цвѣтамъ,
 Подходишь быстро къ ворохамъ,
 И рѣзвой стѣнью исчезаетъ.
 Но, очарованъ, восхищенъ,
 Нарушивъ сердца мирный сонъ,
 Стоишь невольникъ: въ немъ впервые
 Бушуютъ спрасси молодыя, . . .
 Что видѣлъ онъ? чему внималъ?
 Иль это слѣдъ его мечтаній?
 Иль въ забыши своемъ лешалъ
 Онъ въ дальній край очарованій?

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Обычно день идешь за днем,
Уже погасъ свѣтилъникъ льша,
Обильнымъ осени ковромъ
Природа пышная одѣша. —
Зальмара часпо по садамъ
Одна, задумчивая, бродишь;
И часпо, часпо что-то шамъ
Печаль на сердце ей наводишь.
Очемъ же грусть? Какой бѣдой
Вспревожень духъ, Зальмара, швой?
Иль солнце знойными лучами
Сожгло любимый швой цвѣшокъ?
Бышь можешь, брошенъ онъ въ пошокъ,
Чужими сорванный руками?
Смспри, цвѣшокъ швой невредимъ,
Онъ рдѣешь прежней красошою;
За чѣмъ же, спол передъ нимъ,
Ты зарумянилась слезою?
Межъ померанцовыхъ аллей
Порхаешь поздній соловей;

Тебя онъ къ нѣгѣ призываетъ ;
 Его опривисшая шрель
 Звучишь какъ дальная свирѣль,
 И въ зыбкомъ эхѣ умираешь.
 Но соловей шебѣ не милъ,
 Его ты слышишь безъ вниманья ;
 Зальмара, кто же возмущилъ
 Твои бывалыя мечпанья ?
 За чѣмъ, за чѣмъ уходишь ты
 Въ тѣ опдаленныя кусты,
 Гдѣ при лучахъ луны высокой
 Твоимъ испуганнымъ очамъ
 Предсталъ невольникъ черноокой —
 Ужель цвѣты душистый шамъ ?

Но чшожь невольникъ ? — Новыхъ думъ
 Товарищъ вѣрный, неразлучный,
 Спраспямъ порабоцая умъ,
 Онъ измѣнялся злополучный.
 Съ его неопытныхъ очей
 Упали шускыя покровы,
 И передъ нимъ въ красть своей
 Явился міръ какой-то новый.
 Свершились цѣли бытія !
 Онъ все понялъ одной мечпою

Опчизна, мать, сеспра, друзья —
 Забыто все! — Съ его душою
 Теперь спознался новый другъ;
 Ему и дневный свой досугъ,
 И ночь спрададецъ посвящаетъ;
 Ему съ воспоргомъ онъ ввѣряетъ
 Надежды сердца, сладкій сонъ
 И пробужденья шажкій стонъ.
 Съ какихъ же выпренихъ селений
 Слепѣлъ нежданый эшопъ гений?
 — То знаюшь небо, садъ и ночь,
 И гордая Махмеша дочь.



Съ ушра покинувши чершогы,
 Махмешъ гуляетъ по лѣсамъ;
 Олень въшвисшый, быстроногій
 Ему забавой служишь шамъ.
 Давно на башняхъ мѣрнымъ боемъ
 Пора полудня пронеслась;
 Лениво спража разбрелась,
 Томима солнца сильнымъ зноемъ.
 Нашъ Европеецъ молодой
 Благословляя мигъ свободы,
 Гарема каменные своды
 Следилъ любимую мечшой.

Тамъ, за гранишною стѣною,
 Зальмара, какъ царица розъ,
 Цвѣтешь безпечной красою,
 Не зная бѣдъ, не зная слезъ.
 Вся жизнь для ней одна забава,
 Въ алмазы рядился она,
 Ея ошца вѣчаеши слава,
 Она порождою Княжна.
 А онъ богатый лишь цѣнями,
 Рабъ, позабытый межъ рабами,
 Влача судьбы своей позоръ,
 Онъ къ ней спремись дерзаетъ взоръ!
 Чшо за любовь онъ ей предложитъ!
 Ахъ, кромѣ сердца ничего;
 Любовь безумная его
 Лишь спыдъ нанести Зальмаръ можеть.
 Опвѣй же милыя чершты,
 Сокройся, призракъ - обольститель;
 Ты не опрадный ушѣшишь,
 Лукавый врагъ спрадалцу ты. —

Такъ сердце юноши пѣснили
 Волненья безопрядныхъ думъ;
 Онъ и сердце въ немъ и умъ
 Смершельнымъ ядомъ оправили.

За чѣмъ ищи? чего бѣжашъ?
 Надежды, счастья гдѣ искашъ?
 За нимъ, предъ нимъ одиѣ мученья —
 Гдѣ жъ свѣтлый міръ успокоенья?
 Уснавъ земли печаль и кровь,
 Здѣсь золото въ союзъ съ силой;
 Но гдѣ же радость, гдѣ любовь?
 Найдешь ли ихъ хоть за могилой?
 Печальный юноша глядишь....
 Какъ вдохновенье молодое,
 Какъ Херувима крошкѣй видъ,
 Сіаешь небо голубое.

Творецъ! Твой міръ.... прекрасенъ онъ!....

.....

Вдругъ легкій шорохъ за спѣнами,
 Вошъ тихо брякнули ключами,
 Дверь пошатенная скрипнѣтъ,
 Невольникъ сморщивъ боязливо
 Его къ Гарему шоропливо
 Рабыня черная манишь.

Р А Б Ы Н Я.

Сего дня, въ полночь — какъ проглянешъ
 Надъ моремъ блѣдная луна —

Когда дробившись перестанешь,
 Заснетъ играва волна:
 Сюда, прокравшись оспорожно,
 Пройди въ сады чрезъ эту дверь,
 И подожди въ кустахъ. Теперь
 Возми, вошь ключъ. Мнѣ не возможно
 Здѣсь долго мышкашь.

НЕВОЛЬНИКЪ.

Я? — За чѣмъ

Туда приду я?

РАБЫНЯ.

Ты никѣмъ

Не будешь узнатьъ.... Въ часъ свиданья

Узнаешь все. —

Рабыни нѣтъ,

И гулъ шаговъ — какъ давнихъ лѣтъ

Однообразныя преданья,

Едва хранимыя молвой —

Смѣнялся мертвой пишиной.

Темнѣешь. — Вечерь. — За спадами
 Съ космашымъ псомъ идешь паспухъ,
 Лучъ солнца вспыхнулъ надъ холмами,
 И яркимъ заревомъ поспухъ.
 Волнистый паръ клубится въ полѣ,
 Зажженъ маякъ по берегамъ.
 Махнешь, пуспивъ коня по волѣ,
 Спѣшишь къ дворцовымъ ворошамъ.
 За нимъ, дорогой пыль взвѣвая,
 Ловцовъ дружина удалая,
 Привсавъ ошважно въ спременахъ,
 Лешишь на борзыхъ скакунахъ.
 Везушь ловишвы плодъ кровавый,
 Сзывая псовъ, рога шрубляшь;
 Ловцы о шрудностяхъ забавы,
 О хипромъ звѣрь говоряшь.
 Къ спѣнамъ зубчатымъ подъѣзжаютъ,
 Мосты подъемные спускають,
 Огни мелькнули на крыльцѣ,
 Успалый Ага во дворцѣ, —
 Рабы коня его уводяшь.
 Добыча сложена въ шашеръ,
 Смѣняясь, войны разводяшь
 У спѣнъ дымящійся костеръ.

Передъ паламами Махмета
 Еще дробятся голоса.
 Широкой шашки полоса,
 Встрѣчаясь съ дуломъ пистолеа,
 Гремятъ, и искрой золошой
 Скользятъ по строй мостовой.
 Ловцы, сдвигаясь штычнымъ кругомъ,
 Сидящъ, бесѣдуя другъ съ другомъ.
 Досугъ вечерній коропащъ
 Саади дивныя преданья;
 Предметомъ общаго вниманья:
 Любовь, измена и булащъ.
 Но вопъ моливны часъ обычный
 Зовешъ къ покою Мусульманъ,
 Ихъ ожидаешъ долгъ привычный,
 Ихъ призываешъ Алъ - Коранъ.
 Вспаюшъ, расходящся. Пускътещъ,
 Безмолвспвущешъ широкій дворъ;
 На немъ, подъ кучей пепла, шлѣешъ
 Яншарнымъ пламенемъ косперъ.

Съдая шень спорхнула съ мѣста,
 Кругомъ и сонъ и шишина;
 Какъ пробужденная невѣста,
 Нѣжна двурога луна.

Бьешь полночь Сонъ одолевая,
 Передъ крыльцемъ невольникъ ждетъ;
 »Пора! пора!« и, чуть спуная,
 Къ спѣнамъ Гарема онъ идетъ.
 Онъ ищетъ двери потаенной
 За колонадой ошдаленной,
 Уединенна и мрачна,
 Глазамъ являеся она.
 Идетъ къ ней, слушаетъ молчанье!
 Сжимая ключъ, его рука
 Предъ узкой скважиной замка
 Вдругъ ощутила содраганее
 Дверь отворилась — бѣглый взглядъ
 Встрѣчаетъ усиленный садъ.
 Невольникъ быстро отспунаеся,
 По членамъ холодъ пробѣгаеся,
 И, будто смерщю пораженъ,
 Ищи впередъ не смѣея онъ:
 Его томишь недоумѣе,
 Какъ туча въ сердце у него
 Ложился черное сомнѣе.
 За чѣмъ ищи! Кто ждетъ его?
 Чьи тамъ заботливыя очи
 Увидишь онъ во мракѣ ночи?
 Рабыня чья? Свиданье съ кѣмъ?
 И кто желаетъ этой встрѣчи,

И для чего? — Призывной рѣчи
 Онъ не забылъ; но кто Гаремъ
 Въ подобный часъ покинуть можешь?
 Кто бдѣнье спражи превозможешь?
 Кто, кто таинственный шопъ другъ?
 Быть можешь, онъ гонимъ судьбою,
 И хочешь сердца злой недугъ
 Смягчитьъ участія слезою —
 Быть можешь, ждешь его любовью...
 Но чья она?... Уже ли... Вновь
 Къ дверямъ какъ вихрь онъ подбѣгаешь —
Его Зальмара призываетъ! —
 Исчезло все — сомнѣнье, страхъ;
 Идешь, идешь.... попомъ въ кустахъ,
 Съ разувѣреніемъ сражаясь,
 Остановился, озираясь.
 Глядишь — знакомые кусты:
 Къ нимъ садъ Махмеша примыкался;
 Аллея шаже.... шѣжь цвѣшы
 И шажь пропінка — здѣсь плѣнялся
 Онъ красотою царицы — дѣвъ,
 А шамъ, мелькая межъ деревъ,
 Она, какъ серна, убѣгала;
 Тупъ съ очарованной душой,
 За ней спремился онъ мечпой;
 Тамъ, близъ ворошъ, она пропала.

Глядишь — все въ сумракъ ночью;
 И будто въ нѣдрѣ гробовомъ
 Опочиваетъ твердь земная.
 Лишь, выходя съ морскаго дна,
 Грохочешъ зыбкая волна,
 О берегъ пѣной ударяя:
 Лишь, сбросивъ съ дерева листокъ,
 Въ курпинахъ шепчешъ въширокъ.
 Очнулся юноша; волнений
 Смирить не можешъ онъ; опять
 Тоски мершвящая печаль
 Кладешъ въ душѣ бразды мученій.
 Безумецъ! какъ, онъ думашъ могъ,
 Чшо недослупная Зальмара
 Оспавишь пышный свой чершогъ,
 И, дѣтскихъ чувствъ живаго дара
 Еще не вѣря никому,
 Придешъ къ невольнику.... къ нему?
 Придешъ за шѣмъ, чшобъ взоромъ яснымъ
 И голосомъ спыдливо - спраспнымъ
 Сказать, восшорговъ не шая:
 — Люби меня!... на вѣкъ твоя! —
 Но если жъ?... Нѣтъ, она не знаешъ....
 Его любовь, его шоска
 Надмѣнной дѣвы далека;
 Она о немъ не помышляетъ....

Онъ убѣжишь; быть можешь, шутъ —
 Его одинъ измѣны ждущъ.
 Такъ иногда, въ часъ непогоды,
 Спрюиспыхъ молній блѣднѣй лучъ,
 Скользнувъ по скашу сизыхъ тучъ,
 Развеселишь чело природы;
 Вдругъ перекашнѣвъ грянешъ громъ, —
 И снова мракъ и смерть кругомъ.

Уже невольникъ удалялся;
 Но, выходя изъ-за кустовъ,
 Онъ слышитъ дальнѣйшій гулъ шаговъ:
 Поспѣшно кто-то приближался.
 Мелькнулъ клубящійся покровъ....
 Опять.... исчезъ.... блѣднѣетъ снова;
 Шаги слышишь — шелеснь ихъ
 Вблизи кустарника гуспаго
 Остановился и зашихъ.
 Едва дыша невольникъ смѣетъ,
 Опять сомнѣнье пламенѣетъ
 Въ умѣ испуганномъ его. —
 Въ курщинахъ шорохъ повторился,
 Ясминный кустъ зашевелился;
 Раздвинувъ вѣтви, изъ него,
 Спрюйна, какъ пальма садовая,

Выходишь робкая краса ;
 На ней одежда дорогая
 Свѣшла, какъ Майская роса.
 Съ чела скинувъ покрывало,
 И молчалива и шомна,
 Подходишь медленно она.
 Кого же сердце въ ней узнало ?
 Невѣришь юноша глазамъ,
 И думаешь : оляшь къ мечшамъ
 Душа убишная склонилась ;
 Увы, въ ней сильно вкоренилась
 Неопразимая мечша.
 Предъ нимъ Нѣшь, нѣшь ! шо слѣдъ забвенья ;
 Сильной порывъ воображенья :
 Предъ нимъ Зальмара — но не ша,
 Какою зрѣлъ ее онъ прежде !
 Не блескъ — шуманъ въ ея очахъ ;
 Не розы — блѣдность на щекахъ ;
 Въ ея походкѣ и одеждѣ
 Теперь задумчивость и льнь ;
 Зальмара — плачущая шнь
 Надъ одинокою могилой
 Подруги, вѣчно сердцу милой !

ЗАЛМАРА.

Остановись, невольникъ ! Мной
 Ты приглашенъ сюда къ свиданью,
 Я посылала за побой.
 Не удивляйся же молчанью
 Зюлемы преданной моею ;
 Я строго запретила ей
 Сказать Но скроемся въ аллею,
 Иди за мною, въ пишинѣ
 Узнаешь все Здѣсь спрашно мнѣ,
 Съ тобою бышь я здѣсь не смѣю :
 Замѣпишь внухъ, а тогда
 Обьемъ намъ придетъ бѣда.

И вопъ пропой едва замѣпной,
 Она съ невольникомъ пошла,
 Робка, задумчива была ;
 Но взглядъ то грустный, то привѣпной ;
 И — примирители спраспей —
 Порою слезы изъ очей :
 Все гордой дѣвѣ измѣняло.
 Невольникъ ахъ, какъ изнывало
 Въ немъ сердце полное любви !
 Какъ въ безднѣ моря упонало
 Оно въ буншующей крови.

Аллея темная предъ ними —
 Вошли — все пусто ; лишь одиѣ,
 Подъ кипарисами нѣмыми,
 Бѣлюшъ скамьи въ сторонѣ.
 Садилсъ дѣва. — Грудь вздымаясь,
 Подъемлетъ дымчатый покровъ ;
 Уста мѣшающъ звуки словъ,
 И вошь сказала, запинаясь :
 — Такъ, чужестранецъ, я звала
 Тебя къ свиданью въ наши спѣсны ;
 Законъ Гарема, спрахъ измѣны —
 Зальмара все превозмогла.
 Владѣшь нефышной душою
 Я невластна Узнай, тобою . . .
 Оиъ шой поры, когда со мной
 Сошелся пы во шмѣ ночной,
 Тобой однимъ съ шѣхъ поръ живу я ;
 Твои чершы, швой милый взглядъ . . .
 Напрасно ихъ душой бѣгу я —
 Оиъ вездѣ за мной слѣдятъ.
 Мои померкнувшія очи
 Забыли миръ и нѣгу сна ;
 Какъ мѣсяцъ бурной полуночи,
 Моя минушная весна
 Печальнымъ облакомъ зашмилась ;
 Я вѣришь счастью разучилась

И, кажешься, давнымъ-давно
 Забыло, бѣдную, оно.
 Въ борьбѣ спрасшей испавая,
 Я гибну, молча, между дѣвъ;
 Дышу тобой, какъ чувствомъ раю,
 Забавы, пышность — все презрѣвъ,
 Я юности живыя розы
 На тайныя мѣняю слезы.
 Взгляни, съ шеснадцатой весной
 Зальмара сердце погубила:
 Оно изсохло, какъ могила,
 Не орошенная слезой.
 Послѣдствій встрѣчи роковой,
 Моихъ спраданій, мукъ ужасныхъ,
 Безумныхъ сновъ, надеждъ напрасныхъ,
 Не утаишь мнѣ опъ себя.
 Но, чужестранецъ, полюбя
 И полюбя еще впервые:
 Скажи, кто можешь утаишь,
 Кто можешь въ сердце истребишь
 Обѣщанья милые, святыя?
 О, нѣтъ! не дважды намъ любишь,
 На что предъ сердцемъ лицемеришь?
 Его намъ шрудно разувѣришь,
 Пускай же ноешь по одному. —
 Сего дня, сидя предъ окномъ,

Тебя предъ нашими спѣнами
 Узрѣла я. Ты грушенъ былъ,
 Ты что-то съ жадностью слѣдилъ,
 И, увлеченная мечтами,
 Я думала.... Моей мечты
 Не опшони! Увѣрь, что ты
 Слѣдилъ въ волненіи за мною,
 Кого.... не правда-ль, ты за мною....
 За мною сердцемъ ты слѣдилъ?
 Скажи, увѣрь, что полюбилъ,
 Что любишь ты меня! — Зальмара
 Порывомъ дѣвственнаго жара
 Твои надежды оживишь;
 Она съ тобою раздѣлишь
 Своей души залогъ завѣсный,
 И поцѣлуй любви привѣсный
 Тебя къ блаженству возвратишь.
 Умолкла. Къ длани бѣлоснѣжной
 Она главою склонилась нежно;
 Опѣшша ждетъ, глядишь — у ногъ,
 Какъ побѣжденный полубогъ,
 Сынъ Эльбы пламенный пренецешъ;
 Взоръ изступленный дико блещешъ;
 Въ груди то вздохъ, то тяжкій спонъ;

Слеза ланины орошаетъ ;
 Начнешь ли рѣчь — въ минушу онъ
 Ее окончишь забываешь.

З А Л Ь М А Р А.

Ты пронунъ ? Нѣтъ не сожалѣнье,
 Одна любовь теперь нужна ;
 Въ любви участіе — презрѣнье
 Я умоляю не рождена.
 Тебѣ я сердце предлагаю,
 Когда же не возьмешь его,
 Тогда позора своего
 Я не снесу ; но я узнаю,
 Къто та, кому отдавъ мечты,
 Мои красы отринулъ ты.
 О, если рѣчью лицемѣрной
 При первой встрѣчѣ обманулъ
 Ты мой разумъ легковѣрной ;
 И если ты потомъ уснулъ
 Въ обѣщаньяхъ другой, и съ нею
 Надъ легковѣрностью моею
 Смѣялся въ бѣшенствѣхъ спрасней :
 Тогда Красавицѣ швоей
 Ни гдѣ не скрышься отъ Зальмары.
 Отдамъ всю жизнь желанью кары,

Найду — и мщеніе мое
 Всю кровь изъ сердца у нее
 Тогда испочинѣ адскимъ жаломъ;
 Когда же здѣсь не поражу,
 На небеса пойду съ кинжаломъ —
 И шамъ ее не пощажу.
 За чѣмъ же медлишь ты опивѣшомъ?
 Или она въ Гаремѣ эшомъ?
 Опивѣшпсвуй, повшоряю вновь,
 Рѣши, чшо ждешъ меня?

НЕВОЛЬНИКЪ.

Любовь,
 Чистѣйшая, какъ свѣтъ небесный!
 Давно воспоргъ ея чудесный,
 Смушпвъ дремошу юныхъ думъ,
 Посѣялъ въ нихъ раздоръ и шумъ.
 Ахъ, долго, долго изнывалъ я!
 Узнавъ себя, чужую спешъ,
 Презрѣнье, угнѣшеній цѣпь
 Три мѣсяца не проклиналъ я.
 Другая? Нѣтъ, ни съ кѣмъ тогда
 Еще я сердцемъ не дѣлился;
 Ему любовь была чужда,
 Тебѣ я первой покорился;

Одна заря въ вечерней мглѣ,
 Одна и ты мнѣ на землѣ.
 Живу, люблю, спраданье гложешь
 Мою сгарающую грудь;
 Разсудокъ шепчетъ: позабудь!
 А сердце позабышь не можешь.
 Увиль невѣрный жизни цвѣтъ —
 И съ нимъ надежды лучшихъ лѣтъ:
 Я рабъ, а ты ты дочь Махмета.

ЗАЛМАРА.

Что нужды намъ до мнѣнй свѣта?
 Любима ахъ не все ли шумъ
 Желанья сердца обрѣшумъ?
 Вошь двѣ звѣзды! Онѣ сливаясь,
 Плывущъ на небѣ голубомъ;
 Слюбились свѣшмыя, встрѣчаясь;
 Имъ веселѣй горѣшь вдвоемъ:
 Пускай же тучи снѣговья
 Возмогущъ вѣрныхъ разлучить —
 Скорѣй ихъ можно погасить,
 И бросишь въ волны ключевья.
 Забудь враждующихъ людей
 И лицемерную свободу,

Люби какъ я — въ любви своей
 Я заключила всю природу.
 Я дочь Махмета въ шумѣ дня,
 Пускай зовущъ Княжной меня,
 Въ часы урочнаго досуга
 Я не Княжна — швоя подруга.

Руками юношу обвивъ,
 Она къ груди его прижала,
 И поцѣлуемъ заглушала
 Спрасшей насильственный порывъ.
 Невольникъ мѣль и забывался
 Какъ описать его воспооргъ?
 Онъ милой дѣвой любовался;
 Она его!... Теперь онъ могъ
 Повѣришь счастію земному;
 Благословеніе былому:
 Онъ знаешь прелестъ бышій!
 Зальмара съ нимъ, чиста какъ радость;
 Какой бальзамъ, какую сладость
 Онъ пьешь въ лобзаніяхъ ея!

Часы свиданья прошекали,
 Луна и звѣзды исчезали;

Ужъ сквозь шуманы въ лонѣ шучь —
 Нырялъ зари перловый лучъ.
 Воспокъ рѣдешь; надъ древами
 Легла блестящая роса;
 Разсвѣла сизыми огнями
 Голубовы вспыхнуль небеса. —
 Среди сердечныхъ упоеній
 Сидяшь любовники; для нихъ
 Прошажный ходъ часовъ ночныхъ
 Одна минула наслажденій.
 О, ночь! помедли, ты съ собой
 Умчишь все радости свиданья,
 И души счастливыхъ побой
 Вспревожишь грустью разшаванья.
 Еще любовники всего
 Другъ другу вѣришь не успѣли;
 Въ избытокъ счастья своего,
 Они о многомъ бы хощели
 Поговорить теперь въ тиши.
 О, ночь! помедли, не спѣши!
 Опомнясь, дѣва вспрепенулась,
 Вздохнула, помно улыбнулась,
 И погрузмъ на грудь лицо,
 Сняла алмазное кольцо.

ЗАЛЬМАРА.

Возьми! носи его залогомъ
 Моей любви — по гробъ швой!
 Клянусь святыней бышя,
 Моимъ, швоимъ клянуса Богомъ —
 Твоя по гробъ!

НЕВОЛЬНИКЪ.

Клянусь судьбой
 И въ небесахъ дышать шбой!

ЗАЛЬМАРА.

Просни! пора!... Тропинка эша
 Тебя къ чершогамъ доведешъ —
 Уже не долго до разсвѣша:
 Заря докучная вшаешъ,
 Гаремъ виднѣе изъ шумана —
 Пора и мнѣ шуда бѣжашъ;
 Но завшра здѣсь нль близъ фоншана
 Съ шбой увижусь я опашъ.

Преодолѣвъ печаль разлуки,
 Они безмолвно обнялись,

Въ послѣдній разъ пожали руки
 И — молвивъ: *завтра!* — разошлись.
 Такъ голубь лѣшнею порою,
 Въ вечернемъ сумракѣ полей —
 Съ голубкой встрѣпясь молодою,
 Кидаешь кормъ и мчишься къ ней;
 Слѣпятся, сядушь, поворкуюшь,
 Другъ друга нѣжно поцѣлюешь,
 Повеселятся, погруссятъ,
 Подымутся и улещаятъ.

П. Иноземцовъ.



МАРІЙ.

ПОСВЯЩЕНО

И. Я. КРОНЕБЕРГУ.



ПѢСНЬ ПЕРВАЯ.

Дремало море въ берегахъ,
Надъ Карѳагеномъ шѣнь ночная
Плыла на сизыхъ облакахъ,
Луну и звѣзды омрачая.
Все было пусто; здѣсь и тамъ
Слѣды войны и разрушенья;
И засыпали по холмамъ
Опустошенныя селенья.

Мечъ грозныхъ Римлянъ испребилъ
Сѣдя шѣни Карѳагена,
Онъ славу гордыхъ замѣнилъ
Цѣпями плѣгоспинаго плѣна.

Паль Кареагенъ ; его сыны
 Проспились съ прелесью свободы ;
 Чужимъ власнямъ покорены,
 Рабы — не вольные народы !

Увы, съ поникшею главою
 Они въ поляхъ печально бродящъ,
 И на привѣсть страны родной
 Веселыхъ пѣсень не заводящъ.
 Въ чужихъ краяхъ погребено,
 Истреблено ихъ ополченье ;
 Они рабы, имъ суждено
 Терпѣть позоръ и угнѣмьенье.

И здѣсь-то брошенный судьбой,
 Невѣрной дружбой забытый,
 Мяшежникъ хитрый, вождь-герой,
 Скишался Марій знаменитый ;
 Склонивши голову на длань,
 Сидѣлъ онъ, взоръ вперя въ волны ;
 Вошъ вспомнилъ славу, вспомнилъ брань
 И говоришь раздумья полный :

»Греми, греми, сребристый валь,
 Согласный бѣгъ свой совершая;
 О! если бѣ къ Риму ты бѣжалъ,
 Къ брегамъ родимаго мнѣ края:
 Тогда бы вслѣдъ спруямъ твоимъ
 Оспрадно было мнѣ спремишься,
 Взглянушь впослѣднѣ на Римъ
 И съ нимъ впослѣднѣ простишься.

»За славой Ромула спремясь,
 Свободу Бруша обожая,
 Не я ли, смерти не спрашась,
 Громилъ, опчиизну прославляя?
 Я все принесъ опчиизнѣ въ дань;
 Ошдавъ ей юноши забавы,
 Какъ на пиры я шелъ на брань,
 И жилъ для Рима и для славы.

»О Римъ! сзови своихъ сыновъ,
 Спроси у нихъ: дары ли счастья
 Иль нѣги недостойный зовъ,
 Или призракъ единовласья

Смущали Маріевы сны?
 Спроси у нихъ, — и вѣрно скажутъ:
 Мы славой Марію должны,
 Тевшоны, Кимвры шо докажутъ.

»Нѣтъ, нѣтъ! не будетъ укорять
 Меня правдивое потомство,
 Я правъ — меня ли порицашь,
 Меня ль винишь за вѣроломство?
 Я знаю Силлу, я понялъ,
 Онъ шель къ власнямъ пропой обмана,
 Я гражданинъ, — и я желалъ
 Исторгнуть власъ изъ рукъ ширана.

»Но ты падешь передо мной,
 О Силла!... Вождь минувный боя!...
 Твоей ли слабою рукой
 Сорвешь безсмертіе съ героя?
 Не долго ждешь, падешь они,
 Удары праведнаго мщенья,
 И Римъ познаетъ эти дни,
 Внимая грому разрушенья.

»Изгнанникъ здѣсь скипаюсь я,
 Мои шаги слѣдишь измѣна;
 Какъ испребишель бышя,
 Среди обломковъ Карфагена,
 Завѣшной думой омраченъ,
 Угрюмо дни я провождаю;
 Меня бѣжишь опрадный сонъ,
 Я жаждой мщенія сгараю.«

Умолкъ. Чело его мрачный,
 Чѣмъ небеса ненастной ночи;
 И вдругъ изъ-подъ густыхъ бровей
 Сверкнули пламенные очи;
 Вошь неподвижно устремилъ
 Ихъ на чернѣющія воды,
 И сонъ желанный осянилъ
 Героя брани и свободы.

Заря будила сводъ небесъ,
 Сѣдыя волны просыпались;
 Въ кристаллы ихъ глядѣлъ ушесъ,
 Вдали шуманы волновались.

Проснулся Марій — смущенный взоръ
 Съ грозой къ опчизнѣ обратился,
 Герой вздохнулъ, и между горъ
 Какъ тѣнь могильная сокрылся.

Проходящъ дни — изгнанныкъ вновь
 Лешаетъ къ Риму думой смущенной;
 Сонмъ рапниковъ, пожары, кровь,
 Трѣфей побѣдъ хопя бѣ минушной —
 Все это въ мысляхъ передъ нимъ.
 Поклявшись мстить и за могилой,
 Онъ какъ Судьба неукротимъ
 И жаждетъ боя съ новой силой.

Когда завоешь вихрь, и громъ
 Оштрагнешъ спрашно надъ холмами:
 Какъ радостно тогда кругомъ
 Онъ бродитъ гнѣвными очами!
 Онъ мнитъ: такъ гордый Римъ падетъ,
 Такъ Капишолій запрепещетъ,
 Когда и огонь по немъ пройдетъ,
 И мечъ въ спѣнахъ его заблещетъ.

Когда орелъ, покинувъ лѣсъ
 Плывешъ въ эфирномъ океанѣ
 И, низвергаясь на утесъ,
 Узришь врага въ пусынномъ вранѣ:
 Какъ весело на эпошъ бой
 Герой Нумидіи взираешъ,
 Мнишь видѣшь Силлу предъ собой
 И мечъ оставленный хватаешъ.

Вошше, бѣясь о брегъ, бѣгушь
 И мещушь перлъ морскія волны:
 Онѣ свободы не несутъ,
 На нихъ плывушь чужіе чолны.
 Призыва Цѣины Марій ждешь.
 Иль измѣнили легіоны
 И вѣрный другъ не призовешъ
 Его на пиршество Беллоны?

ПѢСНЬ ВТОРАЯ.

Межъ тѣмъ, какъ Силла пожиналъ
Вдали отъ Тибра лавры брани,
И Римъ колѣна преклонялъ
По мановенью мощной длани;
Друзей собравши въ пишинѣ,
Ошважный Цинна мечъ подъемлеть,
И Римлянинъ въ родной спранѣ
Съ испугомъ гласу бунша внемлеть.

Какъ Эшна вспыхнулъ страшный бой,
Сынъ на отца и брата на брата
Идутъ; шеклися, — спрой на спрой
Напалъ — и миру нѣтъ возврата.
Ликуешь смерть Спѣсненъ, разбишь
И прогнанъ Цинна съ поля битвы;
Пылая злобой, онъ бѣжитъ
Какъ шигръ израненный съ ловишвы.

Проходящъ дни — ужъ нѣтъ заботъ ;
 Погасъ вулканъ вражды народной ;
 Безпечно Римлянинъ несетъ
 Въ храмъ мира сердца даръ свободный.
 По прежнему на площадяхъ
 Законный кличъ народной воли ;
 Порхаетъ радость на пирахъ
 И безмятеженъ Капитолій.

Повсюду счастье и покой ;
 Тиха долина боевая ;
 И часто позднею порой
 Идетъ гражданка молодая
 На брегъ ручья, идетъ одна
 Для встрѣчи пламенно-желанной
 Съ влюбленнымъ юношей — она
 Забыла дни тревоги бранной.

Но что ? ... Къ чему же смута вновь ?
 Несущся вѣсти роковыя
 При нихъ у спарцевъ слышнеть кровь,
 Взрыдались дѣвы молодыя.

Союзныхъ ратниковъ съ толпой,
Искашель пагубныхъ чести,
Спремисся Цинна въ край родной,
Неся съ собой перуны мести.

Народъ въ мольбѣ — Сенапъ уныль
И Римъ вселенной повелитель,
Главу вѣнчанную склонилъ.
Ужъ близокъ, близокъ грозный мститель!
Идешь Какъ спая врановъ змѣхъ,
Быстрѣй нагорнаго потока,
За нимъ текушь въ рядахъ густыхъ
Сыны враждующаго рока.

О! что съ тобой, державный Римъ?
Внимай, ужъ грянулъ голосъ кары!
Уже по храмамъ вѣковымъ
Какъ шучи спелюшся пожары!
Угрозы, кляшвы, вопли, спонъ
Слились какъ гимны разрушенья;
Погибель, адъ со всехъ сторонъ;
Врагу и другу нѣтъ спасенья.

Но кто сей яросный аплешъ ?
 Кто зрится съ Цинной предъ рядами ?
 За кѣмъ съ побѣдою во слѣдѣ
 Спремятся ратники полнами ?
 Ужасенъ онъ ! въ десницѣ громъ !
 Смотрише, онъ коня поронишь,
 Лешишь какъ дума и кругомъ
 Римлянъ въ пучинахъ крови попишь.

Вошше съ молишвой на устахъ,
 Съ опчаяньемъ въ попухшемъ взглядѣ,
 Попомки Ромула въ слезахъ
 Къ нему взываютъ о пощадѣ —
 Вошше ! гдѣ онъ — тамъ смертъ ; ему
 Оспрады, мнишся, падшихъ споны ;
 Готовъ онъ мщенью своему
 Принесъ ихъ въ жершву миллионы.

Кто жъ онъ ! О Римъ ! ты зрѣлъ его,
 Когда, дыша къ тебѣ любовью,
 За честь народа своего
 Онъ, обогранный вражьей кровью,

Предъ Капиполиемъ склонялъ
 Главу, увишную вѣнцами
 Безсмертныхъ дѣлъ — ты миковалъ,
 Гордился ты его дѣлами.

А нынѣ или не знаешь ты
 Любимца дряхлаго Беллоны,
 Предъ нимъ повергли въ прахъ щипы
 Югурша, Кимвры и Тевпоны ?
 Внемли, взываеши твоей народъ :
 »Бѣгите ! спрашенъ побѣдитель !
 Онъ гибель, рабство намъ несетъ !
 Се Марій, врагъ намъ, нашъ власнишель !«

Упихла битва, скрылся день ;
 Зажглись огни спорожевые,
 Медлительно ночная тѣнь
 Легла на холмы въковые.
 Въ нѣмыя думы погруженъ,
 На рубежъ долины ратной
 Блуждаешь Марій ; сбросилъ онъ
 Тяжелый щипъ и мечъ булашный.

Онъ мнишь: »свершился подвигъ мой....

Римъ ! ты смиренно преклоняешь

Свою главу передо мной;

Но ты судьбы своей не знаешь.

На завтра снова грянешь громъ,

Опять заблещешь факель мщенья;

Въ Сенахъ дерзоспиномъ швоемъ

Я заплачу за оскорбленья.

»И гдѣ жъ защитникъ спитъ швоихъ ?

Гдѣ, гдѣ ты Силла ? Сынъ фортуны !

Приди, сорви съ раменъ моихъ

Мои вѣнцы, мои перуны.

Пускай пройдутъ швои друзья,

Подобно мнѣ, на эпомъ полѣ,

Безъ состраданья встрѣчу я

Рабовъ послушныхъ рабской волѣ.

»О, можешь быть, презрѣнный пашъ,

Цѣною злата обольщенный,

Нежданно на меня подняшь

Дерзнешь кинжалъ свой пошпенный....

Свершился жребій мой; паду,
 Погибну я въ борьбѣ съ Судьбою;
 Но духъ мой новую вражду
 Раздуешь въ Римѣ предъ побойю.»

Сбылись мечты его.... Герой
 Не долго славой наслаждался!
 Онъ палъ.... Надъ дряхлой головой
 Книжалъ измѣны не взвивался;
 Воишель смертный не купилъ
 Счастливыхъ дней своей опчизны:
 Надгробный гимнъ предвозвѣстилъ
 Ему попомства укоризны.

Проходящъ годы — палъ и Римъ;
 На боевой его долинь
 Другой народъ мы нынѣ зримъ,
 Другая рапъ шамъ ходишь нынѣ.
 Герсевъ Рима нѣтъ какъ нѣтъ;
 Но не забышы ихъ дѣлянь;
 Быль грозныхъ и великихъ дѣлъ
 Хранящъ народныя преданья.

II. Иноземцовъ.

РУССКАЯ ПѢСНЯ.

Не березанька съ гибкимъ яворомъ сонлешалась,
Красна дѣвица съ юнымъ рапникомъ розскавалась.

Расплела печаль кудри русыя, шелковыя ;
Взволновалися груди полныя, молодыя.

Изъ очей ея, что ключи съ горы, слезы льются ;
Руки бѣлыя вокругъ милаго пакъ и вьются.

Ахъ! за чѣмъ меня, ненаглядный мой покидаешь ?
На кого меня безупѣшную оставляешь ?

Много на небѣ свѣшлыхъ звездочекъ ночь встрѣчала,
Много рапниковъ на свяшой Руси я видала :

Пусть удалые за родимый край ищутъ славы,
Не ходи лишь ты, соколъ ясный мой, въ бой кровавый!

Тамъ, слыхала я, острый мечъ блеспишь передъ
спроемъ,
Рѣки пламени роюшь землю тамъ съ ревомъ, съ боемъ.

Если люшый врагъ друга милаго тамъ погубишь?
Кшо жъ погда меня сиротинушку приголубишь?

Ахъ, къ кому на грудь съ дѣтской радостью упаду я?
Ошъ чьего погда зарумянюся поцѣлуя? —

Не послушался добрый молодецъ дѣвы красной,
Полепѣлъ спрѣлой на кровавый бой соколъ ясный.

Не березанька во чистомъ полѣ засыхала,
Красна дѣвица ошъ кручинушки пзывала.

II. Иноземцовъ.

МОГУЩЕСТВО КРАСОТЫ.

ПОДРАЖАНІЕ АРАВСКОМУ.

Щекъ пвоихъ горячихъ пламя
Въ первыхъ упреинныхъ лучахъ,
Словно вьющее знамя
Заблิสало вдругъ въ очахъ.
Розы, мирры присмирѣли,
Видя прелести пвои;
Звучно въ честь пвою воспѣли
Сладкопѣвцы соловьи.
И, воспорженъ, очарованъ,
Бѣдный плѣнникъ пвой, у ногъ,
Неизбѣжной спрастью скованъ,
Испустилъ послѣдній вздохъ!

И. Петровъ.

1832.

МОУЩЕСТВО КРАСОТЫ.

ЗАВѢТНОЕ КОЛЬЦО.

Кто жь мнѣ милое кольцо подарилъ?

РУССКАЯ ПѢСНЯ.

Ахъ, какъ милое кольцо подарилъ?

Мнѣ милое кольцо подарилъ?

Въ перстень удивительный дарилъ.

Берёзанька-ль кудрявая,

Опъ въпра гнешся — ломится;

А розочка душистая

Ко справкѣ помяно клонится.

Въ перстень удивительный дарилъ.

Въ перстень удивительный дарилъ.

Такъ дѣвица - красавица

По милому другѣ плачется,

Что водоюль веселится

По числу лугу льешь рѣкой.

»Кольцо мое, завѣшное!

»Безъ друга, друга милаго,

»Мнѣ золошомъ кого даришь?

»Скажете: что мнѣ въ золошѣ?»



Сняла кольцо съ руки своей

И въ быстры воды кинула:

»Неси волна, шуми волна!

»Любовь свою я съ нимъ дарю!

И. Петровъ.

1832.

ГАДАНИЕ ТУНГУСОВЪ (*).

СЪВЕРНАЯ СЦЕНА.

Ногъ. Скалы и утесы Енисея. Толпа Тунгусовъ окружаетъ стараго Шамана. Посреди пылающій костеръ, сложенный изъ огромныхъ кедровъ. Двое Тунгусовъ подаютъ гадателю одежды, обвѣшенные металлическими изображеніями змій, драконовъ и другихъ животныхъ; такой же запонъ, шапку, украшенную криволибъ корона, и овалный бубенъ.

ШАМАНЪ, ударя въ бубенъ.

Опъ живущихъ опчужденный,
Опчужденный опъ родства,
Опъ земнаго сущесства,
Въ тайны Неба посвященный,

(*) Спихошвореніе сіе написано еще въ Сибири. Миеологическія и религіозныя понятія Тунгусовъ о Вышнемъ Сущесствѣ, мисшическія волхвованія ихъ Шамановъ, имѣющихъ какое-то сродство съ древними Магами и Волхвами Египетскими, до нынѣ, кажется, не были описываемы въ близи. Изображеніе ихъ въ семъ спихошвореніи заимствовано мною изъ собственныхъ наблюденій и, находящагося еще въ рукописи, любопытнаго сочиненія о шамошнемъ краѣ *А. П. Степанова*, бывшаго Енисейскаго Гражданскаго Губернатора.

Сог.

Преклоняя къ вамъ главу,
 Вышши силы, васъ зову!
 Низойдите! низойдите!
 Дней покровъ разоблачите!

ХОРЪ.

Вышши силы онъ зовешъ!
 Низойдите! низойдите!
 Дней покровъ разоблачите!
 Пусшь, что будешъ, предречешъ!

ШАМАНЪ.

Ты, *Аркунга*, духъ воздушный!
 Мракъ и свѣтъ тебѣ послушны,
 Тайны знаешь ты земли,
 Даръ предвѣденъя пошли!
 Да, шобою вдохновенный,
 Миръ весь мыслью обшеку —
 И живущимъ во всемирной
 Жизнь иль гибель предреку!



Странъ подземныхъ обитатель,
 Этыгранъ, зла обладатель,
 Духъ болѣзни моровой,
 Въ мѣръ влезающій змѣй!
 Безпощадно всё мерзвящій!
 На призывъ опважный мой,
 Крошкѣй, мирный, не разящій,
 Ты предстань передо мной!



Ты, крылатый *Иинны*,
 Къмъ возносятся Шаманы
 Отъ печальныхъ оныхъ мѣстъ
 Выше солнца, выше звѣздъ!
 Ты, даръ жизни предержащій,
 Къмъ всё дышетъ на земли!
 Свѣспозарный, лучезрящій!
 Збѣу крошкѣу внимли!



Ты, Хвананы ! Ты, Миряда !

Духи неба, духи ада !

Ты духъ бури, грозный Торъ !

Вась зову я на соборъ !..

ХОРЪ.

Низойдите ! Низойдите !

Дней покровъ разоблачите !

Слышенъ полетъ невидимыхъ.

ШАМАНЪ,

содрогаясь при ихъ приближеніи.

Вошь — я вижу : черный врань

Остынилъ меня крылами !

Я прозрѣлъ временъ шуманъ !

Сонмъ духовъ паришь надъ нами !

Упадаетъ въ безпамятствѣ.

ОДИНЪ ИЗЪ ТУНГУСОВЪ.

Чу !... Надъ нимъ поднялся врань !

Страшно !... Вошь вспаешъ Шаманъ !

ШАМАНЪ, *оставая.*

Всё теперь я видѣль ясно!
 Други! будущность прекрасна;
 Видѣль я ея зарю:
 Слава Бѣлому Царю!

ВСѢ.

Слава Бѣлому Царю!

*Расходятся. Полный разсвѣтъ озаряетъ
 скалы и утесы Енисея.*

И. Петровъ.

1852.

ОРЕЛЪ.

Завидую Орлу, летящему по волѣ:

Какъ путь его широкъ! просторно какъ ему,
На крылья опершись, гуляшь въ лазурномъ полѣ,
Гдѣ не подвластенъ онъ земному ничему.



Какъ пышный домъ, его вселенная пріемлетъ;
Ликуя въ небесахъ, чужь зримъ для нашихъ глазъ,
То на границу бурь полетишь онъ свой подъемлетъ,
То отдохнушь попомъ садился на Кавказъ.



Какъ весело ему! какъ воленъ онъ повсюду!
Нѣтъ мѣста для него, гдѣбъ крылья не взнесли,
И только съ высоты онъ видитъ эту груду
Ненужной для него, окованной земли.



А мы, ничтожные, какъ эшопъ червь ползущій,
 Мы къ ней пригвождены.... За тѣмъ и скучно намъ!
 Напрасно рвешся умъ, далече насъ зовущій:
 Весь путь нашъ по землѣ опъ спѣнь къ другимъ
 спѣнамъ.



Вездѣ препятствіа, нашъ каждый шагъ забота:
 Душа угнетена какъ жалкая раба.
 Куда ни оглянись, вся наша жизнь работа,
 Тоска, ничтожество, и вѣчныхъ нуждъ борьба.



ОГЛАВЛЕНІЕ.



П Р О З А.

Стран.

Байсаго (П. Б.)

Недобрый глазъ. Малороссійское преданіе.. 3

* * * * а.

Ошрывокъ изъ Романа : *Рансодіи*..... 14

Солова (О. М.)

Недосозданіе..... 62

С . р . з . к . го (И. И.)

Ошрывки изъ Записокъ о старцѣ Григоріѣ

Сковородѣ, Украинскомъ Философѣ. 67

С * * * *

Двѣ каршины..... 95

Бредишь 97

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Стран.

Иноземцова (П. И.)

Двѣ главы изъ Воспочной Повѣсти: Заль-	
мара.....	107
Марій	145
Русская пѣсня.....	159

Петрова (И. М.)

Могущество красоты. Подражаніе Араб-	
скому	161
Завѣнное кольцо. Русская пѣсня.....	162
Гаданіе Тунгусовъ. Сѣверная сцена.....	164

Ю * * * *

Орель	169
-------------	-----

ВИНЬЕТКА.

- Алеенишета (И. И.) Видъ Харькова: Лопанскій мостъ.
Мѣлочныя лавки. Университетъ. Присущствен-
ныя мѣста и проч.